

ФИЛОЛОГИЯ ИЛИМДЕРИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PHILOLOGICAL SCIENCES

Эшматов Р.К.

**МАР БАЙЖИЕВДИН «БИР КЕМПИР» (УЛЫБКА) АҢГЕМЕСИНДЕГИ
АДАБИЙ ТҮШТӨРДҮН ХРОНОТОПТУК ФУНКЦИЯЛАРЫ**

Эшматов Р.К.

**ХРОНОТОПИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ СНОВ В РАССКАЗЕ
МАРА БАЙДЖИЕВА «УЛЫБКА» (ОДНА СТАРУШКА)**

R. Eshmatov

**THE CHRONOTOPIC FUNCTIONS OF LITERARY DREAMS IN THE
MARA BAIJIEV'S STORY «SMILE» (AN OLD LADY)**

УДК: 82/821.0

Азыркы адабиятта хронотоптор (мезгил-мейкиндик мамилелердин өз ара байланышы) адамдын психологиялаштырылган элес-түшүнүктөрүнүн каражаттары катары кара-лууда жана анын болмушу искусство жаатында, адабият тармагында кеңири талдоого алынып, экзистенциалисттик окуунун объектисине айланууда. Экзистенциализм субъективдүү мезгилдин (мейкиндиктин) маанисин абсолютташтыруу менен мезгилди «ой агымы» (поток сознания) духунда же формасында интерпретациялап берет. Ушундай мезгил белгилерин жазуучу Мар Байжиев «Бир кемпир» аңгемесинде экзистенциялык абалда кое билген. Аңгемде кемпирдин агониялык абалына – экзистенциялык аргасыздыгына жараша, анын (персонаждын) аң-сезимдеги ой агымдардын динамикасы чаташкан абалда чагылып-берилиши – чыгарманын формалык жактан жаралышын шарттаган. Натыйжада, объективдүү-субъективдүү формадагы мезгилдик (мейкиндик) белгилердин көп түрдүү образдарын автор чыгармада көркөм сүрөттөгөн. Адабий түштөгү хронотоптордун көркөм чагылышында автор кинематографиялык-монтаждык ыкмаларды ойдогудай колдоно билген.

Негизги сөздөр: Мар Байжиев, адабият, экзистенциализм, хронотоп, ой агым, мезгил-мейкиндик, искусство.

В современной литературе хронотопы (взаимосвязь временных и пространственных отношений) рассматриваются как средства психологизированных иллюзий человека, и его существование широко анализируется в области искусства, литературы и становится объектом экзистенциалистского учения. Экзистенциализм абсолютизирует значение субъективного времени (пространства) и интерпретирует время в духе или форме «потока сознания». В рассказе «Улыбка» писатель Мар Байджиев сумел использовать признаки времени в экзистенциальном состоянии. В рассказе, в зависимости от агонистического состояния – экзистенциальной беспомощности старушки, отражение динамики ее (персонажа) потока сознания в запутанном виде обусловило создание формы произведения. В результате, автор смог художественно передать в произведении многообразие временных (пространственных) признаков в объективной и субъективной форме. В художественных отражениях хронотопов в литературных снах автор сумел умело применять кинематографические и монтажные приемы.

Ключевые слова: Мар Байджиев, литература, экзистенциализм, хронотоп, поток сознания, время-

пространство, искусство.

In modern literature, chronotopes (the interrelation of temporal and spatial relations) are considered as means of psychologized illusions of a person, and his existence is widely analyzed in the field of art, literature and becomes the object of existentialist teaching. Existentialism absolutizes the meaning of subjective time (space) and interprets time in the spirit or form of a "stream of consciousness". In the story "An Old Lady", the writer Mar Baijiev managed to use the signs of time in an existential state. In the story, depending on the agonistic state - the existential helplessness of the old woman, the reflection of the dynamics of her (character) stream of consciousness in an intricate form helped to create the form of the work. As a result, the author was able to convey artistically a variety of temporal (spatial) features in an objective and subjective form in the work. In artistic reflections of chronotopes in literary dreams, the author skillfully managed to apply cinematic and editing techniques.

Key words: Mar Baijiev, literature, existentialism, chronotope, stream of consciousness, time-space, art.

Рассказ одного из самых известных прозаиков Кыргызстана Мара Байджиева «Одна старуха» ещё в 1976 году был представлен русскоязычным читателям под названием «Улыбка» [2], а в 1983 году он на киргизском языке был опубликован в еженедельнике «Кыргызстан маданияты» [3].

Художественной находкой М. Байджиева стало то, что он сумел в этом рассказе органически соединить глубинные национальные традиции с новыми веяниями мировой культуры: при чтении создаётся впечатление, что между строк ясно слышны отзвуки полифоничных, многокрасочных мотивов и влияний модернистских течений.

Значительно само аккордное начало произведения: «В маленьком, занесённом снегом аиле, укрывшемся в одной из расщелин Тянь-Шаня, в сером глиняном домике под серой глиняной крышей умирала старая женщина. Умирала она давно. Так давно, что и сама не помнила, когда начала умирать. Может, с того дня, как родила первого ребёнка, может с той ночи, когда стала женщиной, а может, ещё

раньше...» [1, с. 77]. Её состояние агонии, которое начинается с самого начала жизни каждого человека и незаметно усиливается – экзистенциальная безвыходность – в сознании старухи «путались прошлое и настоящее, осень и весна, день и ночь. Она лежала с закрытыми глазами и открывала их только тогда, когда далёкий голос звал выпить чай» [1, с. 77], свидетельствуя о большом разбросе её мыслей и восприятия. Подобный разброс течения мыслей в произведении (однако, следует отметить, что чуткий рассказчик или автор всё повествование держит на контроле, в рамках порядка) [4, с. 115] – обуславливает формально возникновение рассказа, организует своеобразное единство сюжетных элементов в нём и диктует форму повествования движения мысли. В результате, мы видим беспорядочную взаимосвязь и взаимодействие художественно описываемых в произведении пространственно-временных черт, – различные единства черт времени субъективных, объективных форм – парные единства – согласованно, по очереди проходящие – сочленённые, равноправные – многие образы. Средства, позволяющие изображать хромотопные связи в рассказе в подобных специфических состояниях, – кинематографически-монтажные приёмы и гиперболизированно изображаемые чувственные образы, передаваемые посредством литературных снов.

В рассказе есть два сновидения, позволяющие художественно изобразить субъективность субъективных времён. Если одно из них – вещей сон ненавязчиво свидетельствующий о приближении конца жизни старухи, то следующий сон – передаётся в виде галлюцинации, в которой смешивается реальная жизнь старухи и её мечты в последней стадии состояния агонии. Первый сон изображается неторопливо, в ретроспективном плане:

«... Буран приближался. А зятя всё не было. Не застанет ли его пурга в пути? Ему бы она рассказала всё. Он бы понял. Сегодня ночью старуха видела сон. Снилось ей, будто лежат они с мужем в широкой степи на огромном стоге сена. Молодые, красивые. Он положил руку свою на её грудь, обнимает упругое тело, пахнущее свежескошенным лугом. Её чёрные длинные волосы разбросаны по плечам. И ей нисколько не стыдно своей наготы, не ёжится она под его взглядом. А над головой небо. Оно синее-синее, высокое-высокое... Вот на горизонт показались две беленькие звёздочки. Это бегут два сына – близнецы Асан и Усен (они погибли под Сталинградом). Они совсем маленькие. Они бегут, держа за уголки белую простыню, накрывают родителей и убегают. Сверкают детские ягодицы и пятки, зелёные от свежей травы. А они с мужем, обнявшись, летят в синее-синее небо мимо облаков. А там, внизу, на земле, поют женщины, поют громко

и слаженно...» [1, с. 84].

С психологической стороны – это сон фрейдистского духа с незначительным налётом эротических воспоминаний и представлений. Иначе говоря, прекрасно изображённое в литературном сне психологическое состояние – чувство героини, возлежащей с мужем на копне из молодой свежескошенной травы – отсутствие у главной героини стеснения от своей полной наготы перед мужем – хоть и не в полной мере изображается в литературном сне, есть в нём счастливый миг, когда происходит соединение телесного и душевного удовлетворения, в который погружается естество юной женщины. Закон сновидений таков – все его механизмы и чувства действуют по принципу «всё наоборот»: факт того, что старуха вся млеет и погружается в истому от удовлетворённой страсти, как в юности (возникновение во сне состояния гармонии), – явление не очень хорошее, по правде говоря, знак чего-то плохого, ибо всё хорошее во сне, наяву проявится отрицательно. Чувства, которые испытывает старуха во сне, на своём языке говорят о том, что близится час её ухода в иной мир. К тому же всё, что она видит во сне – все кроме её самой: сыновья-близнецы Асан и Усен, муж – люди, которых давно уже нет (следовательно, жизнь старухи проходит вместе с теми, кто давно почил...). В финале сна они с мужем встают со своего ложа – копны из молодой свежескошенной травы – и, взявшись за руки, плавно улетают в синее небо (небо – по поверьям киргизов, – пространство, где проходит вечная жизнь людей). К тому же совсем ещё маленькие сыновья-близнецы Асан и Усен в сне старой женщины приносят белую простыню (символ чистоты и святости), которой укрывают голые тела своих родителей и убегают, «сверкая детскими ягодицами и пятками, зелёными от свежей травы». Дети, изображённые в виде ангелов (ребёнок – ангел, их молодая мать здесь на уровне мадонны) – кроме ясной проявленности поэтической образности, интуитивно воспринимаются как скрытые метафорически-символические понятия, вызывающие целый ряд ассоциативных мыслечувств. В результате, мы, как в зеркале, с помощью этих метафорически-символических знаков видим старую женщину на протяжении всей своей жизни старавшуюся держаться подалеке от различных искусов, не переступавшую за рамки народных обычаев и традиций, твёрдо придерживавшуюся нравственных императивов и жившую в гармонии со своей душой.

Субъективное время, изображённое во сне – реверсивно-ретроспективное явление – мотивные явления сновидения представляют из себя «курак», лоскутные эпизоды наиболее важных событий долгой жизни старой женщины: детские годы сыновей-близ-

нецов Асана и Усена, далёкое время молодости с мужем, весна, пахнувшая молодой травой – всё прошедшее в **иррациональном** состоянии – мечты и фантазии изображаются в возвышенном, мистическом многоцветии. Субъективное пространство субъективных времён в литературном сновидении всё то же: засыпающая степь, верх свежескошенной пахучей травы в копне, бездонное чёрное небо, усеянное мирриадами звёзд. Две звезды, в которые превратились Асан и Усен, медленно сходят с небосвода, приближаясь к земле. Юная женщина вместе с мужем выбрали свой путь в синее небо.

Онейро-галлюцинационное состояние старой женщины (второй сон) приходит после её первого и последнего большого бунта против самой себя. Этот бунт – тоже порождение человеческой природы, происходит вынуждено. Причина в том, что каждый человек, живущий в этом брэнном мире, рано или поздно начинает понимать, что никогда не достигнет того состояния свободы, о котором мечтает... Ибо природа человеческая происходит из единства нескольких естественных иерархических слоёв, которые находятся в состоянии вынужденной взаимосвязи. Человек в первую очередь такое же существо, как и вся живность в природе, но его от других тварей выделяют такие качества, как сознание, живые чувства, ум, но в то же время он – биологическое существо. Поэтому, приходя в этот мир, он хочет быть свободным от всего, жить удовлетворяя свои желания, природные инстинкты, требования души. Человек в силу своих природных начал – вынужден считаться со своей биологической природой. Но с другой стороны человек не может быть абсолютно свободным. Уже фактом своего прихода в мир он оказывается обязанным природе, он её дар, её дитя и потому по своей биологической природе он сильно ответственен перед спецификой сознания. Потому в определённую пору умственного развития он начинает понимать ограниченность своего пребывания на этом свете в результате болезни или несчастного случая. В экзистенциалистской философии понимание человеком факта о том, что он – лишь временный гость в этом мире, что в некий день наступит конец его жизни, что от смерти не скроешься – большая экзистенциальная проблема [3]. Если нам опираться на мысли и уроки Альфреда Адлера и Эрнеста Кассирера, то человек – социальное животное, вместе с тем и символическое животное. Следовательно, в этом мире он не может жить в одиночестве, он существует в обществе двуногих, круглоголовых людей, считаясь с их запросами и интересами, подчиняясь правилам и законам данного общества. Всё это те естественные условия и причины, что ограничивают свободу человека, а потому в силу живущих в нём антиномических мучительных

различной иерархичности явлений и сил он может избежать одних объективно встречающихся условий и причин, но попадает в еети других, попадая к ним в зависимость (Мечты, стремления человека и столь желанная свобода, живущая в его фантазиях, может осуществляться только в мире сновидений).

Выше мы обозначили человека как символическое животное. Всё живое, существующее на земле, кроме человека не создаёт в своём окружении (группе или обществе) символическую среду. Как отмечает Э.Кассирер, на это способен лишь человек. Начиная от его мыслей и заканчивая действиями, от болезней и до сновидений – всё имеет символический характер. В рассказе, о котором мы ведём речь, внутренний протест старой женщины против наступающей смерти, её стремление к свободе выливается в бунт против своего состояния бессилия. Апофеозом этого бунта становится её непреодолимое желание выпить пива, что символизирует здесь жажду жизни.

«... бог, который создал человека – большой дурак: бездушная земля и камни вечны, а человек начинает умирать с самого начала своей жизни – каждое движение его тела, мысли, души направлены на то, чтобы не умереть, но он умирает; жизнь человека бесконечно длинна и безотраднa. А разве нет? Была девочка, мечтала встретить хорошего человека, выйти замуж, встретила, вышла, вскоре услышала, что он ходит к толстой тётке, которая никогда не знала, что такое белые простыни... Мечтала родить сына, родила двух, вырастила – обоих унесла война... Мечтала иметь дочь, родилась красивая девочка, выросла, вышла замуж, на неделю съездила к тётке во Фрунзе, вернулась, забрала маленького сына, оставила мужа, дочь, большую мать, уехала в город разбила семью. То ли спятила баба, то ли напилась какого-то зелья... » [1, с. 85].

После такого внезапно охватившего её бунтарского настроения (жажда выпить пива) когда старая женщина вспомнила все тяготы и страдания, доставшиеся ей в этой жизни, которая больше брала от неё, чем давала, в форме галлюцинаций – мечты-фантазии начинают проходить, как кадры кино, перед её мысленным взором во сне редкие наполненные счастьем дни. И мотив жажды пива, и редкие счастливые моменты её жизни, приходящие в состоянии сна-галлюцинации, психологически убедительно переданы писателем.

Отдельные люди, в отличие от других, способны видеть сны и наяву. Чем сильнее в человеке страх смерти и горечь от страданий, тем меньше он использует свои критические способности. Все мы, оказываясь в состоянии пограничного усиления энергии сознания, оказываемся вынужденными все бессознательные

мечты проецировать в форме галлюцинаций. По утверждению создателя учения об индивидуальном психоанализе Альфреда Адлера «Некоторые фантазии далеко превосходят своей четкостью обычные воображаемые картины. Такие видения кажутся настолько яркими и реальными, что они перестают быть простыми фантазиями и даже влияют на поведение данного индивидуума подобно объективным раздражителям. Когда фантазии приобретают подобную степень реальности, мы называем их галлюцинациями. Условия появления галлюцинаций ничем не отличаются от тех условий, что порождают грезы. Каждая галлюцинация является художественным созданием психики, заисленным и исполненным в соответствии с целями и задачами данного индивидуума, создавшего ее» [6, с. 47]. Условия, при которых возникают галлюцинации, ничем не отличаются от условий, обуславливающих смутные видения сна. Каждая возникшая галлюцинация – художественное создание

психики, содержащей в себе проблемы стремлений и целей индивидуума-создателя этих галлюцинаций. Это для нас не есть что-то новое, неизведанное ибо аналогичные явления мы наблюдали в механизмах сознательного и механизмах бессознательного. Такие же процессы мы можем наблюдать при анализе сновидений.

Литература:

1. Байджиев М. Рассказы и повести / Предисловие В.Е. Ковского. - Бишкек: «Шам», 2005. - 432 с.
2. Байджиев М. Моя золотая рыбка. - Москва: Молодая гвардия, 1976. - С. 255.
3. Кыргызстан маданияты, 5-май, 1983, №18(849). - 8-9-бб.
4. Лайлиева И. Интернациональный фактор и психологизм современной кыргызской прозы. - Ф.: Илим, 1983. - С. 115.
5. Ибраимов К. От ругани социализма ни у тебя, ни у меня рога не вырастут // Кыргызстан маданияты. - 1993. - №24-25 (1376-1377). - 23 июня.
6. Адлер А. Понять природу человека. - СПб.: Академический проект, 1997. - С. 51.